

Через всю Россию: новое слово о Гражданской войне*

Alexander Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

Across Russia: A New Word About the Civil War

DOI: 10.31857/S086956870007422-5

Несколько лет назад известному московскому историку Р.Г. Гагкуеву довелось ознакомиться с мемуарами голландца Л. Грондейса о революции и Гражданской войне в России. Учёный сразу же оценил исключительную ценность данного источника и, проявив большую настойчивость, сумел опубликовать подготовленный М.Ю. Кожевниковой перевод этой замечательной книги, став научным редактором и автором комментариев к её русскому изданию.

Лодевейк Грондейс (1878—1961) почти не известен не только широкому кругу читателей, но и подавляющему большинству профессиональных исследователей (с. 14). Этот голландец с экзотическими чертами лица (мать его была наполовину индонезийкой) родился на острове Мадуро в Ост-Индии, с детства проявлял выдающиеся интеллектуальные способности, в юности слушал лекции в Утрехте и Лейдене, а затем до лета 1914 г. служил скромным учителем физики в Тилбурге. «Как только разразилась война, — вспоминал он, — я принял решение воспользоваться своим ежегодным отпуском для поездки в зону боевых действий» (с. 7). Грондейс хотел «вдохнуть особую атмосферу войны», постичь её правду, донести полученный опыт до тех, кто находился

вдали от фронта. У него оказался подлинный талант военного корреспондента. «Полученное образование как нельзя лучше подготовило его к этой роли, — отмечал в 1922 г. М. Палелог в предисловии к французскому изданию мемуаров Грондейса о России. — Как физик он умел наблюдать за явлениями, как философ умел их осмысливать. К тому же он обладал издревле присущими национальному голландскому характеру качествами: серьёзностью, прямоотой и трезвостью — залогом объективности и непредвзятости». Французский писатель и дипломат восторженно отзывался об авторе, отличавшемся «проницательной любознательностью» и оставившем заметки, которые «открывают для нас душу русского солдата» и напоминают «описания Толстого в романе “Война и мир”» (с. 32—33). Не будучи профессиональным военным, Грондейс в полной мере разделял с офицерами все тяготы жизни на передовой, научился фехтовать, проявлял храбрость в гуще боя и стал кавалером боевых орденов нескольких государств, включая Россию и Японию (с. 15).

На русском фронте Грондейс впервые оказался летом 1915 г., представляя «The Daily Telegraph». Он побывал в Ставке, на Юго-Западном и

* Грондейс Л. Война в России и Сибири / Сост. Р.Г. Гагкуев; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой; пер. с гол. В.И. Габышева. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 455 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00430, и президентского гранта МД-5771.2018.6.

Румынском фронтах. Критически относясь к Февральской революции и демократизации армии, превратившей солдат, по выражению А.Ф. Керенского, в «стадо баранов»¹, Грондейс явно симпатизировал «корниловцам» и консервативной части русского общества. Октябрьский переворот и советскую власть он не принял, присоединился к Л.Г. Корнилову и отправился с ним в Ледяной поход. Однако вскоре голландец попал в плен, был доставлен в Москву, откуда через Северный Ледовитый океан вернулся во Францию. Но, похоже, его тянуло в Россию. В чине капитана он прибыл в Сибирь, где до 1920 г. наблюдал за закатом колчаковской эпопеи. А уже в 1922 г. на французском языке вышли его мемуары «Война в России и в Сибири», созданные на основе личных впечатлений и дневниковых записей 1915—1919 гг. Обработывая их, Грондейс активно общался с генералом М. Жаненом и русскими эмигрантами. Примечательно, что к голландскому (сильно сокращённому) варианту его книги предисловие написал донской атаман генерал-лейтенант А.П. Богаевский.

Сами воспоминания состоят из трёх частей («При царе», «В революции», «В Сибири»), в которых события изложены в хронологической последовательности. «В декабре 1914 и в мае 1915 г. я побывал на важных участках французского фронта, — рассказывал Грондейс. — Однако военный корреспондент, которому отказано в возможности жить среди сражающихся солдат, практически не видит войны. Посещения фронта группами журналистов не приносят ничего стоящего. И хотя у меня было особое разрешение и на довольно длительный срок, я не мог участвовать в боевых операциях первой линии... Я надеялся, что мне больше повезёт на русском фронте»

(с. 37—38). В Ставке Николая II голландец познакомился с генералами М.В. Алексеевым и Н.И. Ивановым, который показался ему «человеком старой школы» с «лицом патриарха», чьи глаза «смотрели по-отечески, но с хитрецей» (с. 38—39).

Мемуарист признавал: «Русская армия поразила меня простотой, с какой люди отправляются на смерть» (с. 71). «Молодые люди в цвете лет шли на смерть, исполненные энтузиазма, ради своего императора, — писал Грондейс о боях 1915 г. — Восторг волной всколыхнул их сердца и опал: лица вновь обрели бесстрастность. Они умрут, император и Святая Русь будут живы» (с. 44). При этом, по его наблюдениям, «русские солдаты в отличие от латинских воинов не нуждаются в убедительных речах, для того чтобы пойти на подвиг» (с. 71).

Революцию голландец воспринимал как трагедию, не сомневаясь в том, что «так называемая воля народа способна создавать только хаос». Но и у Николая II уже не было сил восстановить порядок, ведь «русские, знавшие покой и счастье только под сильной рукой господина, добровольно отказывались от этого слишком слабого властителя, от набожного фаталиста, павшего под грузом сомнений и неуверенности» (с. 88). Говоря об отказе вел. кн. Михаила Александровича принять престол, Грондейс не скрывал сожаления: «К несчастью, великий князь, как большинство аристократов русской империи, не пожелал выполнить своего долга. Он согласился с доводами кабинета министров (не согласны были Милюков и Гучков) и отрёкся, “не желая крови своих подданных”. Воистину доводы школьника. Он обезглавил свою партию, оставил офицеров без законного начальства, отдав их во власть десяти тысяч комитетов и самозванных на-

чальников, и на его ответственности их деградация. Начиная с этого момента советы в России стали единственной организацией, сплочённой, обладающей твёрдой убеждённой, управляемой твёрдой рукой» (с. 79). Напротив, Временное правительство, по мнению Грондейса, являлось, «по сути, адвокатской конторой»: «Его члены в большинстве своём искренне стремились сохранить всё хорошее, что было при старом режиме, но в их распоряжении не было ни одной организованной партии. Больше того, им необходимо было действовать, а инициатива у них отсутствовала, и они постоянно прибегали к вынужденным мерам, на которые их толкали развивающиеся события» (с. 79—80).

Весной 1917 г. казалось, что «впервые в России народ принимает так страстно и близко к сердцу все события политической жизни, ставшей свободной, понятной и грубой». Повсюду устраивались митинги, на которых без перерыва выступало множество «ораторов-импровизаторов» (с. 82, 85). «Все речи ораторов — старые, как мир, недостойные нелепости, — констатировал военный корреспондент, — но для толпы они — удивительная новость. Рабочие с жадностью слушают радикальные программы, которые разворачивают перед ними, и нет ни одного полицейского или цензора, который бы одёрнул разбушевавшееся воображение» (с. 85).

Между тем приказ № 1 вносил «в армию хаос и опустошение» (с. 80). Летом 1917 г. Грондейс много общался с генералом А.А. Брусиловым, которым был несколько очарован, находя у него даже «своего рода природную гениальность». «Лицо Брусилова сразу же поразило меня необыкновенной живостью взгляда и насмешливой добротой, — вспоминал голландец, — передо мной был аристократ и умни-

ца... Среди достойных людей, каких я встречал в России, он был, без сомнения, одним из умнейших и, я бы сказал, “самым европейским”, если бы не опасался задеть в нём настоящего русского патриота» (с. 89). Брусилов достойно держался, даже когда все его подчинённые — «от старых генералов до безусых поручиков — соревновались в демократическом рвении». Однако и он перед летним наступлением 1917 г. «при множестве офицеров из разных штабов фронтов заявил, что “влюблён в Керенского”» (с. 92). Так или иначе, в «конце июня после трёх месяцев революции фронт Брусилова был единственным, где наступательные действия имели хоть какой-то шанс на успех» (с. 92—93).

По свидетельству Грондейса, «военный министр Керенский вызывал тогда у всех восторг». Он «без устали объезжал дивизии, которым завтра нужно было идти в бой» (с. 96). Грондейс, успевший обменяться с Керенским лишь «несколькими фразами», отмечал: «Он произвёл на меня впечатление человека убеждённого». Голландцу казалось, что «солдаты обожают военного министра так же, как обожали царя: ни понимания, ни знания ничуть не прибавилось». Даже то, что, по слухам, «Керенский крайне честолобив», скорее обнадёживало, чем настораживало: «У него внимательный взгляд человека, который не хочет терять связи с действительностью. И если он допустил ошибки скверными нововведениями в армии, то, полагаю, согрешил по неведению, будучи согласен по существу с опытными генералами. Возможно, он честолобив, но он патриот и производит впечатление человека, который готов пожертвовать жизнью за свои убеждения» (с. 103).

Как утверждал Грондейс, даже в условиях «демократизации» русские — «храбрые солдаты, лучшие солдаты в

мире» (с. 99). Но под влиянием «революционной пропаганды», призывавшей «забыть о своей родине и о своём историческом долге», они летом 1917 г. «выглядели изнурёнными, лишёнными той военной гордости, какая придаёт сил тем, кто терпел лишения и приготовился к смерти». На Грондейса «они производят впечатление страдальцев, обречённых на выполнение долга», которые «внутри сомневаются и колеблются». А именно от них зависела «защита страны, которая до сих пор именовалась “святая Русь”, а теперь стала в некотором смысле ничейной, “интернациональной”» (с. 125). Попытки что-либо изменить не имели успеха: «Государственный переворот Корнилова и его генералов готовился с такой детской неуклюжестью, что все его ждали, и комиссарам не составило труда его предотвратить» (с. 133). Значительная часть армии превратилась тем временем в «банды красных солдат», грабивших и опустошавших окрестности (с. 134).

Покинув Ставку, Грондейс отправился на ещё сохранявший относительную боеспособность Румынский фронт. Оттуда он перебрался в Киев, где в начале 1918 г. застал «весьма своеобразную обстановку»: «Одни надеются, что немцы восстановят монархию, другие ждут полной победы большевиков и, глядя на течение событий, застыли, скрестив руки». При этом «“Украинское правительство”, сформированное немцами, не имеет опоры в прошлом и лишено будущего, оно старается обмануть союзников и дожидается немцев», тогда как «большевистские эмиссары действуют в городе почти беспрепятственно», хотя «Петлюра, своего рода Буланже, блестящий малокультурный кавалерист, собравший вокруг себя офицерство, если чем-то заметное, то разве что формой в средневековом стиле», успешно противостоит большевикам

и «при столкновениях они разбегаются в разные стороны» (с. 135).

Наблюдая всё это, военный корреспондент «уже собрал чемоданы и приготовился уезжать из России», но «вдруг случайно» узнал от поручика гр. Разумовского о формировании на Дону антибольшевистской Добровольческой армии. Молодой офицер сообщил голландцу «явно преувеличенные» сведения, будто вскоре «шестьдесят тысяч казаков и сто пятьдесят тысяч добровольцев под командованием генерала Алексеева вместе с героем Корниловым двинутся на Москву» (с. 135—136). Похоже, Грондейс охотно поверил в то, что «старания упорядочить русский хаос сосредоточились в Новочеркасске» и «все лучшие люди России — генералы, офицеры, дворяне, патриоты всех сословий, бросив разложившуюся армию, горящие деревни, охваченные анархией города, двинулись окольными тропами на Дон к атаману казаков [и] республиканцу Корнилову» (с. 136).

Неудивительно, что ещё в январе 1918 г. там же оказался и нидерландский корреспондент. «В истории, — писал он позднее о начале Белого движения, — не найдётся другого примера, когда бы в маленькой армии соединилось столько талантов. Генерал Алексеев, лучший русский стратег, бывший главнокомандующий, командовал войском, которое численностью достигало разве что полка. Рядом с ним стоял второй крупный полководец, его бывший антагонист, а теперь соратник — Корнилов... Обилие военных знаний и авторитет не будут лишними, помогут вести элитную армию, насчитывающую всего-то 3 500 человек, сквозь бесчисленные опасности, сражаться с противником, превосходящим её численностью более чем в десять раз» (с. 151). Грондейс восхищался тем, как «горстка смельчаков

решилась противостоять могучему валу десятков миллионов безумцев, глашатаев социальной мести». По его словам, «трудно себе представить одиночество этой маленькой группы людей — патриотов, генералов, светских республиканцев, трудно представить и не застыть в изумлении» (с. 152). Однако «в бою с ними никто не сравнится, их смелость безупречна. Почти все они получили во время войны ранения. Они воодушевлены благородным чувством воинской чести, они пламенные патриоты и глубоко презирают своего врага, что даёт им силы переносить тяжкие испытания партизанской войны. Уникальное историческое явление: часть, сформированная из одних офицеров!... Алексеев и Корнилов исходят из принципа, что маленькое, но абсолютно надёжное подразделение успешнее большой армии, в которой разгильдяйство хотя бы одной из частей провалит всё» (с. 159—160). Грондейсу казалось, что, уходя из Ростова к Екатеринодару, добровольцы «утешают себя надеждой спасти сокровище, дорогое каждому патриоту, — они несут с собой в степь честь русской армии» (с. 175).

В Корнилове для голландца «привлекательнее всего была его пламенная душа. Выделялся он, прежде всего, ею, а не талантом стратега или политика. Его неподкупная честность, легендарная храбрость, вера в будущее России и свой исторический долг — в этом была его сила. Он внушал безотчётное доверие, притягивал к себе и завоёвывал сердца юных русских героев, увлекая их за собой» (с. 153). В нём не было «никакой харизмы, никакого магнетизма, никакого электричества», но на всех «воздействовали его прошлое, ставшее легендой, неслыханная храбрость и безоглядный патриотизм» (с. 157) Складывалось ощущение, что, «несмотря на все свои ошибки и не-

удачи, Корнилов — единственный человек, который может вернуть русской молодёжи веру в судьбу страны» (с. 155)². «Настанет день, — уповал Корнилов, — когда несчастная Россия поймёт, что её предали и продали, и все патриоты будут с нами. А пока наша миссия состоит в том, чтобы держаться. И мы будем держаться» (с. 188). Но для этого следовало сохранить живую силу, «внушая страх противнику, отвоевать Кубань, укрепиться там, а потом, если обстоятельства будут благоприятными, сделать новый рывок» (с. 186—187).

Чем должен был завершиться этот «рывок»? В мемуарах голландца Корнилов предстаёт как «прямодушный человек, набравшийся опыта среди интриг и заговоров, республиканец, действующий среди монархистов» (с. 151). «Я сам казак, — говорил он Грондейсу, — а значит, прирождённый республиканец. Как только началась революция, я встал за свободу и собрал вокруг себя надёжных людей. К несчастью, я убедился, что моя несчастная страна ещё не созрела для высшей формы правления, а именно республиканского. И поэтому я говорю всем: “Если свободным желанием русского народа будет вернуть монархию, мы согласимся с его желанием, но мы не примем её под давлением немцев. Из рук немцев мы не примем никакого режима”» (с. 187). Собеседник генерала рассуждал более реалистично. «Я не мог разделить оптимизм Корнилова, — признавал он в мемуарах. — Я верил в немыслимый героизм его соратников, но не верил в поддержку хаотичной массы русского народа, лишённого идей, но увлечённого анархией, которую он пока ещё считал для себя выгодной» (с. 188—189).

По поручению главы французской миссии в Новочеркасске Грондейс в феврале 1918 г. попытался

вновь добраться до Киева, для чего позволил «взять себя большевикам» в плен (с. 189). Однако в Киев его не отпустили. Вместо этого ему довелось сопровождать комиссара З.Б. Шостака, наблюдая за гражданской войной из большевистского бронепоезда, и посетить Москву, Петроград и Мурманск. Оттуда Грондейс вернулся во Францию, где сразу же согласился занять пост официального корреспондента при военной миссии генерала М. Жанена и верховного комиссара графа Д. де Мартеля и уже в сентябре 1918 г. направился в Сибирь. Пользуясь своим положением, он беспрепятственно совершал поездки на фронт. Войска Колчака не производили на него особого впечатления, он видел, что «молодость и неопытность офицеров, в большинстве своём недавних гимназистов, которым нет и 20, ставит армию на низшую ступень боевой готовности». Впрочем, и «молодые набрались бы боевого опыта, они бы продвинулись вперёд, если бы тыл помогал им». Однако «между Омском и фронтом образовалась дыра», в которую проваливались «обмундирование, сапоги, фуражки, одеяла, сахар, табак, офицерское бельё и даже винтовки и боеприпасы, предназначенные для фронта», а «безнаказанность подлецов, живущих за счёт армии», объяснялась «только тем, что их очень много» (с. 391). Это предопределило крах верховного правителя: «Большая часть населения Сибири приняла его вначале, когда прокламации адмирала внушали доверие. Но неспособность и неопытность его окружения, а также воровство мало-помалу привели всё к неотвратимому концу. Все достоинства адмирала, его честность, его энтузиазм ничего не могли поделать. Падение было естественным концом этого режима» (с. 393).

Будучи лично знаком с Колчаком, Грондейс весьма выразительно описал

его в мемуарах: «Взгляд немного неподвижный, но честный, выражение лица приятное. Во время разговора мог вскинуться из-за пустяка. Близкие к нему люди восхищались его гневными вспышками, считали их проявлением силы и какого-то пророческого вдохновения, но это было опасной слабостью. Он был исполнен благородства, как его понимали старинные русские сказания — без гибкости, хитрости и осторожности. Он верил в то, что делал, и это хорошо. Он делал всё, во что поверил, и это было очень плохо. Его политика состояла из вспышек, и часто утром была одной, вечером другой. Окружала его одна “молодёжь”. Чего же лучше для командира батальона, живущего порывами. Но для главы государства — это принципиальная ошибка: молодёжь была уже не так молода и принесла в Омск надежды прошлого времени. Нужны были бывалые зубры, которых годы излечили от их собственных доктрин. В адмирале чувствовалась печаль человека, чьи усилия не приносят результата. В нём недоставало генеральства, чтобы стать начальником для трёх тысяч офицеров, занимавших должности в Омске, и он не был политиком, который вёл бы великодушное и заманчивое предприятие: восстановление России в её былом величии, вёл холодно, последовательно, как ведут дело» (с. 394). Напротив, на глазах у Грондейса «главнокомандующий до последнего вздоха» играл «волнующий спектакль, представляя одного из античных героев, гонимых судьбой. Как они, он подставлял себя ударам безжалостного рока, ослеплённый как своими достоинствами, так и своими недостатками. Ему была не по плечу взятая им на себя историческая миссия, адмирала погубили его собственные ошибки и ошибки его соратников, но он до конца ни от чего не отрёкся и сохранил достоинство»

(с. 407—408). Другие вожди белых в Сибири, такие, как атаман Г.М. Семёнов, несмотря на незаурядные командирские качества, были ещё менее способны к какой-либо государственной деятельности и ещё сильнее компрометировали себя террором и бесчинствами (с. 340—342, 363—369). Зачастую окружавшие Колчака люди «только делали вид, что преданы адмиралу, а сами пользовались им, чтобы устроиться на тыловые должности и безнаказанно совершать большие и малые беззакония» (с. 394). Между тем от союзников России по Антанте белые так и не получили реальной военной поддержки, что, по мнению Грондейса, стало одной из главных причин их поражения.

Грондейс не был типичным представителем «потерянного поколения», так и не сумевшего оправиться от травм Великой войны. Уехав из России, он поселился во Франции, изучал византийское искусство в Сорбонне, в 1930-х гг. вернулся в Нидерланды, где преподавал историю византийской и русской культуры и иконописи в Утрехтском университете. В 1941 г. им даже была защищена в Париже докторская диссертация «Византийская иконография распятия Христа». Вместе с тем, будучи постоянным сотрудником еженедельника «Национальное единство», Грондейс не раз выезжал в голландские колонии и зоны боевых действий. Так, в 1932—1933 гг. он стал свидетелем экспансии японцев в Маньчжурии, в 1936—1937 гг.

неоднократно посещал Испанию, где примкнул к франкистам. Не забывал Грондейс и о России, посвятив ей несколько книг и установив достаточно тесные связи с русскими эмигрантами. Этому немало способствовала его жена Валентина (урождённая Гончаренко-Петренко), сопровождавшая Лодевейка в 1918—1920 гг. в поездках по фронтам Гражданской войны. В июле 1941 г., во время оккупации Нидерландов нацистской Германией, Грондейс опубликовал в одной из ведущих амстердамских газет статью «Русский солдат», в которой не скрывал своего уважения и любви к России. Распространение её было запрещено, но автору удалось избежать ареста. Скончался Л. Грондейс в Гааге на 83-м году жизни от сердечного приступа во время занятий фехтованием. Воспоминания этого незаурядного человека и тонкого наблюдателя несомненно вызовут интерес у широкого круга читателей.

Примечания

¹ Речь А.Ф. Керенского на фронтовом съезде в Каменец-Подольске. Листовка. [Б. м.], 1917. С. 1.

² Характерно, что бывшему члену Государственной думы Л.В. Половцову также запомнилась реплика Корнилова: «Армия ничтожна по своим размерам. Но я скую её огнём и железом, и не скоро раскусят такой орех. Если же офицеры начнут грабить, то это будет не армия, а банда разбойников» (*Половцов Л.В. Рыцари тернового венца: воспоминания члена Госуд[арственной] думы Л.В. Половцова о 1-ом Кубан[ском] (Ледяном) походе ген[ералов] М.В. Алексева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина. Прага, [1923]. С. 70).*